

неизм. Наши бойцы дали ему новую фамилию — Казачок.

Гриша Казачок оказался хорошим, компанейским парнем. Он был самым молодым разведчиком в нашей команде. За молодость, хваткую удаль, за веселую игру на баяне разведчики очень полюбили его. И на Польский фронт он шел уже как полноценный разведчик Первой Конной армии.

Из личного наблюдения боевых разъездов и показаний пленного нам стало ясно, что основные силы находившейся в Усть-Лабинской 9-й бригады конного корпуса Султан-Гирея недавно ушли в направлении Кирпильского поселка. Учтя эту обстановку, я решил атаковать оставшуюся конную группу белых.

Несмотря на численное превосходство, противник не принял нашей атаки и стал быстро уходить в станицу, чтобы спастись от губительного огня. Но, попав на глухую уллицу, упиравшуюся в реку Кубань, белые в безумном страхе остановились на ее крутом берегу.

— Никого не трогать! Белые сдаются, — крикнул я своим разведчикам.

Белоказачки начали слезать с коней и складывать в сторону шапки, огнестрельное оружие.

Пленные были построены на улице одним из их урядников в две шеренги. Я крикнул им:

— Слушай мою команду! — Они сразу по-строевому подтянулись. — По порядку рассчитайся!

Насчиталось двести тридцать человек. Офицеры и несколько нижних чинов во время нашей атаки бросились в Кубань. Но, не доплыв до противоположного берега, погибли в ее холодных волнах.

В этот день вечером нам стало известно, что в районе Кирпильского поселка наша 6-я кавалерийская дивизия разгромила весь конный корпус князя Султан-Гирея. Разгромлена была и 9-я бригада, к которой принадлежали сдавшиеся нам белоказачки.

Команда разведчиков продолжала свой победный путь к берегам Черного моря.

В КАВКАЗСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ

Года два назад мне случайно пришлось присутствовать при разговоре одного из литераторов с активным участником гражданской войны, в прошлом кавалеристом.

Литератор спросил ветерана, не приходилось ли ему встречаться на фронтах гражданской войны с дикой кавалерийской дивизией Гая. Ветеран ответил, что такого соединения не встречал и не мог встретить, так как диких дивизий в Красной Армии не было и не могло быть по самой природе армии.

Прислушавшись к этой беседе, я сказал, что такое соединение в Красной Армии существовало, что называлось оно 1-й Красной Кавказской дикой кавалерийской дивизией, специально созданной для борьбы на денкинском фронте. Организатором и первым командиром ее был Г. Д. Гай, один из ярких и своеобразных военачальников периода гражданской войны.

Зимой 1919/20 года я служил в этой дивизии в качестве комиссара конно-артиллерийского дивизиона, который был единственной артиллерийской частью в соединении. Поскольку штаб дивизии и управление дивизиона, как правило, были всегда вместе, мне часто приходилось видеть Гая, работать с ним. Более того, мы были с ним в хороших, товарищеских отношениях.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов Г. Д. Гай и я были сначала адъютантами, затем преподавателями Военной академии имени М. В. Фрунзе и не раз вспоминали дикую дивизию. В середине тридцатых годов мне пришлось быть начальником военно-исторического факультета, а Г. Д. Гай стал возглавлять кафедру истории военного искусства в Военно-воздушной академии, и мы имели уже ряд бесед по военно-историческим вопросам, ка-

сающимися гражданской войны. И снова вспоминалась служба в этом соединении.

Идея создания этого соединения и своеобразие его названия принадлежат лично Гаю. Эта идея, по его словам, была связана еще с планами, которые возникли у него зимой 1918/19 года, когда он командовал 1-й армией Восточного фронта.

В двадцатых числах января 1919 года 1-я армия овладела Оренбургом и соединилась с Туркестанской армией Зиновьева, наступавшей на Оренбург с юга, со стороны Актюбинска. Открывался путь в Туркестан, а оттуда через Каспийское море — на Баку и в Закавказье, активное участие в освобождении которого (особенно родной Армении) всегда было заветной мечтой Гаю. И хотя этот путь был очень длинным и сложным, Г. Д. Гай 24 января 1919 года обратился по телеграфу к В. И. Ленину с просьбой поручить ему, Гаю, сформировать Туркестанскую армию из регулярных частей, объединить ее с 1-й армией и направить на освобождение Туркестана. При этом Гай ручался, что он в двухмесячный срок не только подавит вооруженные силы контрреволюции в Туркестане, но и возьмет Баку, нефть которого так нужна Советской России.

План Г. Д. Гаю поддержал член РВС Республики П. А. Кобозев. Впоследствии всякий раз, когда Гай говорил об этом плане, он выражал уверенность, что его предложение не было утверждено лишь только потому, что оно не было доложено лично В. И. Ленину.

Позднее, ознакомившись с архивными материалами, я узнал, что в действительности дело обстояло не совсем так. В. И. Ленин получил телеграфное предложение Г. Д. Гаю, но не согласился с ним, так как в это время гораздо большую опасность для Советской республики представляла не контрреволюция Туркестана, а армии Колчака и Деникина. Поэтому в тот день, когда была телеграмма Гаю, В. И. Ленин предложил РВС направить все силы, чтобы в месячный срок овладеть Ростовом и Челябинском. В связи с этим Ленин рекомендовал срочно направить армию Гаю не в Туркестан, а к Челябинску.

В данном случае вся эта история имеет значение лишь потому, что она показывает, как Г. Д. Гай вынашивал мысль об участии в освобождении Кавказа и Закав-

казья и искал конкретных путей к этому еще тогда, когда находился на Восточном фронте.

В мае 1919 года Гай был отозван с Восточного фронта. В августе этого года он командовал 42-й стрелковой дивизией 13-й армии Южного фронта. Дивизия успешно наступала на белгородском направлении, но оно тогда не было главным. Главный удар, прокладывающий в конечном итоге кратчайшие пути на Кавказ, наносило левое крыло Южного фронта, представленное 9-й и 10-й армиями, объединенными в группу В. И. Шорина.

В национальных горных районах Северного Кавказа бурлили в ту пору многочисленные, но разрозненные восстания горцев против Деникина. Гай обратился в РВС Республики с предложением создать под его командованием особое кавалерийское соединение, основу которого составляли бы кавказские народности. С этим соединением, действуя на левом крыле Южного фронта, он предполагал прорваться в национальные районы Кавказа и Закавказья, превратив свою дивизию в ядро, объединяющее вооруженную борьбу горцев. По крайней мере так этот план выглядел в устном изложении самого Г. Д. Гаю.

Его предложение совпало с тем периодом, когда страна практически осуществляла лозунг «Пролетарий, на коня!». Оно было принято РВС Республики и одобрено Центральным Комитетом партии. Г. Д. Гаю было поручено сформировать и возглавить 1-ю Красную Кавказскую дикую кавалерийскую дивизию. Слово «кавказская» должно было означать, что соединение состоит из местных жителей Кавказа и предназначается для борьбы за освобождение Кавказа. Слово «дикая» должно было выразить «ударность» этого соединения и, по мнению Гаю, быть близким горским народностям, поскольку раньше из них уже создавались подобные отряды. Но тогда они создавались главным образом для борьбы с революцией, а эта дивизия должна была внушать страх силам контрреволюции. О целесообразности такого названия сейчас можно думать по-разному, но тогда оно не вызвало сомнений.

13 октября 1919 года Центральный Комитет партии обратился ко всем партийным организациям со следующим письмом:

«Дорогие товарищи! Всем ясно, что для успешной

борьбы с конными частями Деникина нам необходимо создание своих красных кавалерийских частей, которые если будут первое время несколько уступать врагам по своей численности, то по качеству и по своей готовности и способности защищать Советскую Россию должны быть неизмеримо выше их.

Деникин и вся свора белогвардейцев с ним спешат использовать как можно скорее и больше свое преимущество в количестве конных частей и бешено рвутся к Туле и Москве. Деникин может рассчитывать вновь сосредоточить в одном месте значительные массы своей кавалерии и прорваться в наш тыл, разрушая и уничтожая все на своем пути.

Такому положению должен быть положен конец созданием своей мощной красной кавалерии.

Центральный Комитет РКП(б) предлагает всем партийным организациям, не теряя ни минуты, выделить из своей среды всех добровольцев-кавалеристов, в особенности кавалеристов-кавказцев, и побудить к тому же профессиональные союзы, политотделы и другие учреждения республики.

Всех выделенных таким порядком добровольцев-кавалеристов спешно направлять в Москву, в Политуправление Республики, в распоряжение тов. Гая. Поименные списки выделенных и уже направляемых в Москву добровольцев-кавалеристов телеграфно сообщить в ЦК с обозначением, от каких именно организаций они направляются.

Секретарь ЦК Елена Стасова».

Следует сказать, что таким вниманием не пользовались до этого ни одно из формировавшихся тогда соединений Красной Армии. Однако формировать Кавказскую кавалерийскую дивизию в Москве оказалось невозможным. Здесь не было ни продовольствия, ни фуража, ни конского состава. Поэтому решением РВС формирование дивизии было перенесено на Среднюю Волгу, в богатые хлебом, фуражом и конским составом тыловые районы Восточного фронта.

В приказе, изданном по этому поводу, был уточнен и порядок формирования дивизии. В нем говорилось:

«Из всех частей, фронтов, имеющих добровольцев и кавказцев-кавалеристов, командировать таковых в распоряжение тов. Гая (Бжнпкянца) в количестве 10—15 человек от отдельной части, а из запасных частей без огра-

ничения числом. Район формирования дивизии — Средняя Волга».

Конкретно местом формирования теперь избрали Симбирск (ныне Ульяновск). Но в Симбирске тогда находились штаб и учреждения Восточного фронта, многочисленный гарнизон и много других формирующихся частей. Здесь не было свободных квартир, казарм, а также конюшен, без которых кавалерийские части нельзя было формировать. Поэтому новым распоряжением главного командования центр формирования дивизии был перенесен в Саранск (ныне столица Мордовской АССР).

Начальником штаба дивизии был назначен латыш Вилумсон, друг и соратник Г. Д. Гая по Восточному фронту, а начальником политотдела — армянин Давтян, старый член партии. Эти два очень уравновешенных человека были некоторой противоположностью всегда кипучему, скорому на решения, непоседливому Г. Д. Гаю.

В это время я работал в Симбирске комиссаром 5-го легкого артиллерийского дивизиона, спешно готовившегося для 5-й армии Восточного фронта, в которой раньше мне уже приходилось служить комиссаром гаубичного артиллерийского дивизиона 26-й стрелковой дивизии.

Перед отправкой на восток мы изучали особенности Сибири, на территории которой нам предстояло действовать. Знакомились и с характером и бытом японской армии, ибо были убеждены, что без серьезной борьбы с нею наши войска не смогут пробиться к берегам Тихого океана и освободить Дальний Восток.

Подготавливая дивизион для себя, управление формирования войск Восточного фронта уделяло ему большое внимание и, по существу, укомплектовывало его отборным составом. Высокий процент составляли у нас бывшие артиллерийские унтер-офицеры и фельдфебели (фейерверкеры), имевшие опыт боев первой мировой войны. Двое из них командовали батареями, остальные возглавляли взводы и команды, были старшинами, командирами орудий, старшими разведчиками, а многие просто номерами орудийных расчетов, ездовыми при орудиях или красноармейцами-специалистами.

Яркой фигурой был командир дивизиона Ф. А. Фролов. До первой мировой войны он был фельдфебелем-сверхсрочником конной артиллерии. За отличия в боях его наградили четырьмя Георгиевскими крестами, затем

присвоили офицерское звание. Войну он закончил старшим офицером батареи в чине штабс-капитана.

Артиллерийское дело Фролов знал превосходно, но поначалу в роли командира дивизиона в новой армии он чувствовал себя неуверенно. И не потому, что масштаб работы оказался для него более крупным, чем раньше, а потому, что ему казалось (а впрочем, так было и в действительности), что рядовой состав относится к нему, бывшему офицеру, настороженно. В связи с этим Фролов постоянно искал поддержки комиссара во всех своих мероприятиях. Вскоре, несмотря на то что ему было сорок восемь лет, а мне всего девятнадцать, у нас сложились с ним самые лучшие отношения.

Итак, мы готовились к отправке в 5-ю армию, на восток. Но вот однажды Фролова и меня вызвали к начальнику управления формированиями и сказали, что наша часть будет переформирована в конно-артиллерийскую и войдет в состав 1-й Красной Кавказской кавалерийской дивизии Гая.

Вскоре дивизион был направлен в Казань, в Запасную армию республики.

В течение нескольких дней мы получили там все необходимое, в том числе недостающих людей, конский состав, материальную часть и особую форму одежды: белые папахи, бурки, черески, бешметы, шаровары. Однако заменить наши пушки образца 1900 года нам не удалось: более современных не оказалось на артекладах.

В начале ноября дивизион перебросили в большое мордовское село Посоп, что недалеко от Саранска. Там я впервые и познакомился с начальником дивизии Гаем и комиссаром Голенко — опытным партийным работником.

Комиссару было около пятидесяти лет. В беседе со мной он в первую очередь спросил о состоянии дивизиона и о взаимоотношениях с командиром, затем беседа приняла личный характер. Голенко рассказал о себе и попросил меня сделать то же. Во время этой встречи комиссар сообщил, что в ближайшие дни в дивизион придут шесть краскомов, только что окончивших артиллерийские курсы.

Вскоре пополнение прибыло. Познакомившись с краскомами, мы определили их на должности. Одного из новичков, Ерошкина, побывавшего на фронте, мы назна-

чили командиром батареи, краскома И. А. Оленина (впоследствии он стал генералом) — адъютантом дивизиона. Бывшие офицеры, занимавшие эти должности и не пользовавшиеся авторитетом у красноармейцев, были направлены в распоряжение инспектора артиллерии запасной армии. Остальных вновь прибывших товарищей мы назначили командирами взводов и различных команд. В их числе оказался краском, фамилия которого совпадала с фамилией комиссара дивизии. Я спросил:

— Вы однофамильцы?

Он ответил очень скромно:

— Нет, он мой отец.

— Это хорошо. Но в штаб дивизии и вообще за пределы расположения части вы будете выезжать только с разрешения командования дивизиона. Не будем нарушать установленного порядка.

Молодой Голенко ответил: «Есть» — и попросил разрешения следовать в свою батарею.

Все краскомы оказались коммунистами, что имело немаловажное значение для партийной организации, для дивизиона в целом. В эту же группу вошел и вскоре прибывший на должность дивизионного врача, тогда еще студент четвертого курса медицинского факультета Московского университета, большой весельчак И. И. Михалевский, впоследствии крупный московский хирург.

Сначала мне казалось, что работать молодым краскомам в дивизионе будет нелегко. Учились они по ускоренной программе, раньше в армии не служили. А средний возраст рядового состава части был тридцать пять лет. Многие из них уже успели повоевать, приобрести боевой опыт. «Не сумеют найти подхода к людям», — думал я о вновь прибывших командирах, зная о том, что прежде старые солдаты не очень-то жаловали молодых прапорщиков и подпоручиков. Но мои опасения не оправдались. Краскомы очень быстро нашли общий язык с личным составом дивизиона.

Однажды я спросил старшину управления дивизиона Потапова, который был фельдфебелем во время первой мировой войны, а сейчас пользовался непререкаемым авторитетом среди личного состава:

— Как работают и чувствуют себя молодые товарищи?

Потапов ответил:

— А почему им плохо себя чувствовать? Ведь это наши новые командиры, а не старые прапорщики. Чего они не знают, им подсказывают. Все относятся к ним, как к своим сыновьям или младшим братьям. Не беспокойтесь о них, товарищ комиссар.

Примерно через неделю в беседе со мной комиссар дивизии сказал мне, что, и по его сведениям, все краскомы-артиллеристы чувствуют себя превосходно, чего, к сожалению, он не может сказать о кавалерийских полках.

Несколько раз нашу часть посетил начальник дивизии Г. Д. Гай и остался доволен порядком, дисциплиной, настроением личного состава, его боевой подготовкой. Надо сказать, что хотя Гай не был кавалеристом и не совсем по-кавалерийски сидел в седле, он больше любил кавполки, отдавал им предпочтение.

Помнится такой случай. Наш дивизион по какой-то случайности первым получил добротное обмундирование — «кавказскую» форму. Конники пожаловались Гаю, что их «обижают», и командир приказал начальнику снабжения отобрать у нас часть выданного обмундирования и передать его в кавалерийские полки. Ф. А. Фролов дал письменное распоряжение, но так как на документе не было моей подписи (меня по какому-то поводу вызвал комиссар дивизии), представители конников возвратились в свои части ни с чем.

Узнав об этом, Гай вскипел. Ладный и статный, в сильней яркой черкеске с пышными серебряными газырями и красном бешмете, он стремительно вошел в кабинет Голленко и, оглядывая меня с высоты своего роста, удивленно спросил:

— Так это ты, мальчик, не хочешь выполнять распоряжений начальника дивизии?

Еще не понимая, в чем дело, и стараясь сохранить самообладание, я как можно спокойней ответил, что все приказы командования дивизии для меня закон и что я всегда выполнял и впредь буду безоговорочно выполнять их.

Выяснилось, что речь шла о том, что без моей подписи на документе кавалеристам не передали обмундирование. Я объяснил, что яе знал о таком распоряжении, и выразил готовность выполнить его, однако заметил, что незачем обижать артиллеристов: все равно спустя некоторое

время все части дивизии получают обмундирование. Комиссар поддержал меня, и Гай согласился.

— Ладно, — сказал он, — но ты все-таки зайди ко мне. Когда Гай ушел, Голленко порекомендовал мне:

— Зайдите к нему обязательно. Сейчас его можно переубедить. А вообще-то хорошо получилось, что без вас в дивизионе не выполнили его распоряжения. Кстати, он дал это распоряжение, не согласовав его со мной. Это ему маленький урок. Сейчас я переговорю с начальником политотдела, он пользуется большим доверием Гаю.

Я остановился перед дверью в кабинет Г. Д. Гаю. На ней висел лист картона с надписью: «Командующий Гай». Не начальник дивизии, а именно командующий. Надпись сохранилась еще, видимо, с того времени, когда Г. Д. Гай командовал 1-й армией на Восточном фронте.

Помощи начальника политотдела не потребовалось.

— Садись, мальчик, — сказал Гай, указывая на стул. — Так ты говоришь, что у тебя в дивизионе дело поставлено так, что без твоего ведома ничего не будет сделано? Что ж, это, может быть, и хорошо. Фролов бывший офицер. Я его совсем не знаю. В гражданской войне он еще не участвовал. За ним следить нужно. Все, что вы получили, оставьте у себя. Хорошо, что ты так стоишь за свой дивизион, даже мне возражаешь...

— Командир дивизиона, — сказал я, — на мой взгляд, сомнений не вызывает. Я думаю, что со временем он станет членом партии. Дело не в моих отношениях с теперешним командиром. Сегодня дивизионом командует он, а завтра, может быть, его возглавит другой. Дело в том порядке, какой у нас установился и к которому мы уже приучили весь состав части. Это не стесняет ни меня, ни Фролова.

— Ну что ж, — согласно кивнул головой Гай и посмотрел в окно. — Это чья лошадь? Видать, не штабная.

На дворе коновод держал в поводу красивую золотисто-рыжую кобылицу донской породы, на которой я приехал в штаб.

— Моя.

— Собственная?

— Нет.

— Где взял?

— Это было в Казани. Командир дивизиона в знак дружбы уступил ее мне.

— Хорошая лошадь, — заметил Гай. — А ты отдашь ее, если я прикажу?

— Конечно, отдам. Но тогда мне придется сесть с кем-нибудь с коня в дивизионе. Нельзя же комиссару конной артиллерии ездить на кляче.

— Это верно, — заключил Гай. — А теперь иди. И знай, что я не люблю робких людей. Если тебе что нужно будет, заходи и ко мне, а не только к комиссару.

Так совершенно случайно установились мои взаимоотношения с начальником дивизии. Я понял, что к нему нужен особый подход.

От Гая я снова пошел к комиссару. Голенко одобрил мое поведение у командира, посоветовал, как себя вести с подчиненными политработниками и Фроловым. Затем доверительно рассказал о своих отношениях с начдивом:

— Гай — неуравновешенный человек, работать с ним нелегко. Он не любит советов, болезненно заботится о своем авторитете, не отменяет своих распоряжений, если даже они ошибочны. По правде говоря, удивляюсь, как это он решил в вашу пользу вопрос с обмундированием. Это, конечно, мелочи. Сейчас меня беспокоит другое: как он в дальнейшем будет себя вести? Гай рвется в бой, готов идти немедленно, с недоформированной дивизией. Но он не кавалерист, и я далеко не уверен, что при его характере не проявятся партизанские замашки, которые могут привести к нежелательным последствиям. Впрочем, поживем — увидим. Надеюсь на Давтяна. Начальник политотдела имеет на него большое влияние.

Наш разговор продолжался долго. Голенко сказал, что начдив сейчас очень многим недоволен. Он предполагал сформировать девять полков, а в соединении только четыре, остальные не удалось сформировать из-за недостатка кавалеристов и лошадей. И состав дивизии не тот, какой ему хотелось иметь: очень мало коренных кавказцев, которым кровно дорога идея освобождения родных мест.

— Прикиньте сами, — продолжал комиссар. — Ваш дивизион никакого отношения к определению «дикого» и «кавказского» не имеет. В первой бригаде больше русских, чем кавказцев, во второй — солидная прослойка кубанцев и украинцев. В ней, кстати, сильнее, чем в других, чувствуются партизанские настроения.

Голенко помолчал, вероятно, обдумывая что-то очень важное, потом заговорил снова:

— Гай мечтает об освобождении Кавказа. Кубанцы тоже рвутся в свой край. Но Кубань это еще не весь Кавказ...

Я понял, с дивизией нужно было бы еще много поработать. Но времени для этого нам не дадут. Много будет зависеть от того, какими будут наши первые бои. Если удачными, то люди и сам Гай окрепнут духом, приобретут уверенность в том, что дивизия — грозная сила.

Простившись с комиссаром, я много думал о том, что он говорил мне. Раздумья привели к вопросу: а всегда ли конница будет надежно прикрывать наш дивизион и не следует ли нам уже сейчас прививать людям сознание, что прежде всего мы сами всегда должны быть готовы к самообороне?

Я рассказал об этом командиру дивизиона. Он согласился со мной. Голенко, а затем и Гай поддержали эту идею, и нам выделили на каждую батарею по два пешататных пулемета.

Перед выходом на фронт мы провели несколько учений с боевой стрельбой. На этих учениях я убедился, что Фролов не случайно был кавалером четырех Георгиевских крестов. Он буквально преобразился, горел в деле, которое знал в совершенстве. Четкий, распорядительный, он не повышал голоса, но его разумные приказания бойцы выполняли быстро и беспрекословно. Одним словом, он обладал высокими командирскими качествами, и наши краскомы, особенно Ерошкин, невольно подражали ему, перенимали у него опыт, учились искусству руководства подчиненными.

Благодаря положительному влиянию Фролова, большой работе партийной организации наш дивизион к моменту выхода дивизии на фронт представлял собой единый, дружный коллектив, где каждый знал, что, когда и как нужно делать. Редко кого из личного состава приходилось понукать.

Когда я пришел в дивизион, в нем не было ни одного коммуниста. Постепенно число членов партии росло. С пополнением, полученным в Казани, к нам пришло около десяти коммунистов, ставших политбойцами. Все шесть молодых краскомов, как я уже говорил, тоже были членами партии. В партийную неделю, проводившуюся во

время нашего пребывания в Саранске, коммунистами стали еще около тридцати человек. Это были главным образом разведчики и оружейные номера.

В дивизионе абсолютное большинство бойцов были крестьяне. И тот факт, что многие из них вступали в ряды партии в самый трудный для революции момент (войска Деникина тогда рвались к Москве), говорил о крутом переломе их лично-собственнической психологии, о понимании ими личной ответственности за судьбу Советской власти. Коммунисты — а их к моменту отправки на фронт стало человек пятьдесят-шестьдесят — являлись прочным ядром дивизиона, цементирующей силой наших бойцов.

После первых же боев в партию вступил и командир дивизиона.

2

В конце ноября 1919 года дивизия начала погрузку в эшелоны для отправки на фронт. Но к этому времени направления Юго-Восточного фронта потеряли свое первоначальное значение. Уже в сентябре центр тяжести боев против Деникина переместился из-под Царицына в район Воронежа и Орла, где действовали 8, 13 и 14-я армии. В составе Юго-Восточного фронта, образованного из бывшей особой группы Шорина, остались только две армии — 9-я и 10-я. Об этом перемещении центра тяжести событий мы судили тогда не столько по секретным сводкам, которые поступали редко, нерегулярно, сколько по той тревоге, которую била наша печать за положение на центральном (орловско-тульском) направлении.

Из-под Царицына в район Воронежа на помощь Южному фронту был переброшен конный корпус С. М. Буденного. Для непосредственного содействия левому крылу Южного фронта были повернуты основные силы 9-й армии, в состав которой вошел и сводный конный корпус Б. М. Думенко.

Словом, было ясно, что главные события развиваются в районе Орла и Воронежа, но главное командование Красной Армии все еще упорно стремилось к тому, чтобы основной удар вновь перенести в полосу Юго-Восточного фронта. И это было, пожалуй, главным моментом, определившим боевое использование нашей дивизии.

В начале ноября 1919 года главное командование приняло решение создать в устье реки Иловли сильную ударную группировку для последующего наступления в глубь Дона и Кубани. В эту группировку и была включена дивизия Гая. Она располагала всего лишь двумя тысячами сабель. Этих сил было явно недостаточно для больших самостоятельных операций даже на второстепенных направлениях. Но Гай все же думал сыграть здесь самостоятельную роль. Об этом он говорил, инструктируя командиров и комиссаров частей перед уходом дивизии на фронт. Эту же мысль он выразил и в приветственной телеграмме главному С. С. Каменеву:

«Уезжая на фронт с неудержимым желанием померяться силами с противником и освободить Кавказ, 1-я Конная Кавказская дивизия... просит верить в ее силы и в то, что все самые трудные ваши задачи будут исполнены в точности».

Несмотря на то, что железные дороги работали с перебоями, переброска дивизии на фронт шла быстрыми темпами. В первой половине декабря все ее части сосредоточились в районах, прилегающих к станции Арчеда, примерно в тридцати — сорока километрах от линии фронта, составив резерв главкома. Штаб соединения расположился в крупном пристанционном поселке Фролово, кавюлки — в прилегающих к нему селениях, конно-артиллерийский дивизион — в большом казачьем хуторе Терновка, в семи-восьми километрах от станции.

Я ожидал если не прямо враждебного, то, в лучшем случае, неприязненного отношения казаков к нам. Мое настроение разделял и командир дивизиона Ф. А. Фролов. В первый же день нашего прихода в хутор он зашел в просторную казачью хату, где я расположился с коноводом, и сказал:

— Комиссар, — во всех случаях, когда шел официальный разговор, он называл меня комиссаром, — выйдем на минутку на улицу.

Мы вышли. Было морозно. На площади пустынного, словно вымершего, хутора стоял наш парк, охраняемый двумя часовыми.

— Ты, комиссар, — заговорил командир, — не считаешь, что получается как-то неладно? В хуторе почти нет мужчин. Женщины смотрят на нас недружелюбно. Фронт почти рядом, а наша артиллерия стоит без всякого при-

крытия. Так мы не стояли даже в мировую войну. Не думаешь ли ты, что в одну из ночей мы можем потерять и пушки и солдат?

Я тогда еще очень мало понимал в специальных военных вопросах, но все же ответил:

— Между нами и фронтом, в районе Арчеды, стоят все полки нашей дивизии, они должны охранять нас. Но завтра я буду у комиссара дивизии и попрошу, чтобы в хуторе кроме нас разместили хотя бы один кавалерийский эскадрон.

Не помню, в силу каких причин, но ни на следующий день, ни даже в ближайшую неделю я не поехал в штаб дивизии. Не выезжал и командир дивизиона. И нас не беспокоили никакими вызовами. Я постарался поближе ознакомиться с населением хутора. Мужчин действительно почти не было. Женщины в первые дни держали себя более чем настороженно, они не появлялись на улицах в одиночку и даже в хатах старались не попадаться на глаза.

Но на второй или третий день мне пришлось оказаться свидетелем любопытного разговора. Мой коновод Архип Дячкин, молодой, интересный парень, говорил с дочерью хозяйки, девушкой лет двадцати.

— Ты почему на меня не смотришь? — игриво спрашивал он.

— А что на тебя смотреть? Вас тут так много приходит и уходит, что всех не пересмотришь.

— А что мы, хуже ваших казаков?

— Я не говорю, что хуже, но вы чужие...

— А где ваши казаки?

— За Доном. Ты меня не расспрашивай, а лучше скажи, почему ты красноармеец?

— А кем же мне быть?

— Кем? Ваша дивизия дикая, и ты еще хочешь, чтобы на тебя смотрели...

— Почему же на меня нельзя смотреть, если я служу в дикой дивизии?

— Потому что месяца два назад здесь были азиаты, горцы. Они тоже из диких, хотя и вместе с нашими. Так пока они стояли, мы не только не ходили по улицам, но и хаты занимали. А теперь нам говорят, что пришли красные дикие, от которых добра не жди.

Тогда же я узнал, что до нас здесь действительно была

белая сводная горская конная дивизия, оставившая у местного населения, особенно у женщин, тяжелые воспоминания...

На другой день я провел партийное собрание, на котором рассказал о слышанном разговоре и дал указание, как вести себя в отношении казачьего населения. Моя основная мысль сводилась к тому, что только тот казак, который сражается против нас с оружием в руках, является нашим врагом. Все остальное казачье население — те же крестьяне, что и большинство красноармейцев нашего дивизиона. И задача заключается не в том, чтобы восстанавливать казаков против себя, а в том, чтобы налаживать с ними добрые отношения, не злоупотреблять силой и властью, не допускать обмена лошадей, реквизиции новозок, продовольствия или каких-либо других вещей.

После собрания коммунисты провели беседы среди бойцов. И результаты не заставили себя долго ждать. Уже через неделю стали обычными совместные вечеринки молодежи нашего дивизиона и хутора, на которых большим успехом пользовались армейские баянисты, плясуны, ватейники. Дружелюбнее стали относиться к нам и пожилые хуторяне.

В Терновке мы простояли около трех недель, но не заметили никакой враждебности со стороны местного населения. Даже не верилось, что в 30—40 километрах отсюда против нас сражаются жители этого же хутора.

Перед уходом из Терновки с помощью местного ревкома мы собрали жителей хутора, чтобы выслушать все их претензии к нам и жалобы на незаконные действия. Но никаких претензий и жалоб не было. Более того, люди высказывались о том, что пора, мол, «замиряться», что продолжения войны хотят только денкинские офицеры, а казаки устали от войны и желают мира.

Обо всем этом я послал донесение в политотдел дивизии. Комиссар дивизии в свою очередь доложил Реввоенсовету 10-й армии. В своем докладе он отметил, между прочим, что за образцовое поведение во время стоянки лычный состав нашего дивизиона получил благодарность от хуторян.

В ту пору я не знал, что делалось в денкинском стане.

Но недели через две в станице Иловлипской ко мне

случайно попала листовка с речью генерала Врангеля, обращенной к личному составу Кавказской армии, которой он летом 1919 года командовал и которая действовала в районе Царицына. Врангель обвинял Кубань в том, что она оставила Кавказскую армию, состоящую в основном из кубанских и терских частей, без должной поддержки, что он, генерал, хочет, чтобы голос армии был услышан в тылу. Было совершенно ясно, что между деникинским командованием и кубанским казачеством возникли существенные противоречия.

Словом, наше соединение прибыло на фронт в то время, когда деникинщина переживала острейший военный и политический кризис. Кубанское и донское казачество переставало быть ее массовой базой. Это подтвердилось в первых же боях дивизии с белогвардейцами.

3

В конце декабря мы получили задачу обходным маневром из района станции Иловлинской через Карповку и Мариновку содействовать левой группировке 10-й армии в овладении Царицыном.

Первое боевое столкновение наши части имели в районе хутора Вертячий по случайному совпадению с той самой горской конной дивизией противника, о которой так недружелюбно отзывалось население Терновки. Противник не оказал серьезного сопротивления. Его колонны, попавшие под огонь двух наших батарей еще во время развертывания, быстро смешались и начали поспешный отход на юг, не приняв атак наших кавалерийских полков.

В бою был захвачен штаб горской дивизии и значительная часть ее обозов. Показания пленных подтвердили, что район Царицына прикрывается только кубанскими частями, которые не желают воювать и боеспособность которых невысока. Общій итог этого боя, как мне помнится, оперативная сводка штаба армии подводила примерно так: «В районе хутора Вертячий кавдивизией Гая разбита сводно-горская дивизия противника. Остатки дивизии бегут на Калач».

Поражение горской дивизии способствовало образованию бреши в оперативном построении царицынской группировки белых и открыло пути нашей дивизии на Кар-

повку и Мариновку. Мечта Голенко о том, чтобы первый бой дивизии был удачным, сбылась. Боевой дух личного состава поднялся, и наше соединение уверенно двинулось в обход Царицына. Не без влияния этого маневра 3 января 1920 года белые оставили город.

Кавказская армия противника, впоследствии переименованная в Кубанскую, начала отход от Карповки и Мариновки на юг, придерживаясь железной дороги на Тихорецкую. Перед нами встала задача перехватить пути отхода белых, отбросить их к востоку, в калмыцкие степи, под удары стрелковых дивизий 10-й и 11-й армий.

Но неприятель уходил, не принимая боев. Лишь 6 января фронтальным сопротивлением у Громославки, на рубеже реки Мышкова, он примерно на сутки задержал движение нашей дивизии. Обходя этот рубеж, мы уклонились к юго-востоку, в сторону станции Жутово, а затем двинулись на Котельниково, значительно опережая соседние с нами стрелковые дивизии.

До выхода на рубеж реки Сал дивизия имела только небольшие столкновения с мелкими группами Кубанской армии. Пленные единодушно говорили, что их части уходят на Кубань. Гай несколько раз выражал недовольство ходом событий: ему хотелось крупных боев, ярких успехов, а дивизия следовала за уходящими частями белой армии, не успевая по-настоящему ухватиться за ее хвосты.

В целом же обстановка была противоречивой. Быстрый отход противника требовал его стремительного преследования. Между тем силы нашей дивизии слабели. В тифозных районах почти на каждом почлеге мы оставляли десятки заболевших людей. О пополнении нечего было и думать: во-первых, это не было предусмотрено; во-вторых, наши тылы безнадежно отстали.

На рубеже реки Сал дивизия получила задачу по захвату Великокняжеской (ныне Пролетарская) — главного окружного центра на востоке Донской области. Гай увеличил переходы. Но форсированному движению стала мешать неожиданно наступившая сильная оттепель. Многочисленные потоки превращались в бурные ручьи и речки. Это, конечно, затрудняло и движение противника, но он находился в лучших условиях, имея возможность подготовить пути отхода заблаговременно.

В двадцатых числах января около станции Двойная п

станции Орловская дивизии удалось наконец встать на путях отхода большой конной группировки противника. Развернулся первый крупный кавалерийский бой. Начался он совершенно неожиданно.

Бурный, переполненный талой водой ерик (балка с крутыми берегами) на несколько часов задержал подход дивизии к станции Орловской. Конники, переходя ерик вброд, потеряли несколько лошадей. Орудия же пришлось перетягивать на канатах. Пока артиллеристы переправили и привели в порядок свои орудия, конница и одна батарея ушли вперед. Другая батарея только заканчивала переправу. И тут мы услышали, что километрах в трех-четыре от переправы на насыпи железной дороги началась оживленная ружейно-пулеметная стрельба и раздались несколько одиночных артиллерийских выстрелов.

При батарее находились командир дивизиона, я и команда наших разведчиков. Мы поднялись наверх по скату возвышенности, по которой пролегал наш дальнейший путь, и увидели, как с насыпи горохом скатился небольшой отряд нашей конницы, прикрываемый одним пулеметом. Мы узнали его по белым папахам и черным буркам. Этот отряд прикрывал движение всей дивизии слева. Пулемет, стрелявший на насыпи, замолчал, и тотчас же через линию железной дороги перевалила лава белой конницы в двести-триста сабель, а на переезде, выводившем к Орловской, в тыл главным силам нашей дивизии, показалась голова большой конной колонны противника.

Стало ясно, что конница белых войдет в станцию раньше, чем мы сумеем проскочить через нее на соединение с нашими частями. Я вопросительно посмотрел на командира дивизиона.

— Да, комиссар, — сказал он, — мы попали в неприятное положение. Прикрытия нет, придется отбиваться картечью с открытых позиций.

Затем последовал ряд его распоряжений, четкости и целесообразности которых я завидую и сейчас. Начальнику разведки дивизиона было приказано взять своих и батарейных разведчиков и два пулемета, выдвинуться в рощу, находившуюся в километре от нас, и задержать конницу белых, пока батарея не займет позиций на склонах горы. Командир батареи должен был карьером поручийно вывести батарею на указанную огневую пози-

цию. С адъютантом Фролов послал донесение командиру дивизии, а из телефонистов организовал дозоры в сторону Орловской, чтобы те предупредили командование о проникновении неприятеля в станцию. Мне командир предложил вместе с ним выехать на огневые позиции батареи, руководство которой он взял на себя.

Все пошло, как на учении. Огонь пулеметов и разведчиков (их было человек тридцать — сорок) из рощи, куда отошел и полурэскадрон, отступавший от железной дороги, задержал продвижение передовых частей белых и привлек их внимание на себя. Наша батарея ударила по неприятелю в тот момент, когда до него оставалось около полутора километров. Огонь был исключительно метким. Однако через несколько минут мы оказались под обстрелом двух батарей противника, бивших с закрытых позиций, из-за насыпи железной дороги.

Положение осложнилось. Разведчики были вынуждены оставить рощу. Лошади у пулеметных тачанок были перебиты, и оба пулемета остались в роще. Левый фланг батареи оказался открытым, и вражеская конница угрожала атакой с фланга. Один взвод батареи перенес огонь на обходящие группы белых, другой продолжал отражать атаку с фронта.

В самый критический момент, когда левый взвод батареи уже перешел на картечь, я увидел Гаю. В синей черкеске, без бурки, он вылетел из станции во главе штабного эскадрона, шедшего с развернутым Знаменем дивизии. За ними на размашистой рыси, развернутые по фронту полкадронно, шли полки одной из бригад дивизии. Артиллерия врага перенесла огонь на нашу конницу. Положение батареи Фролова, стоявшей на открытой позиции, облегчилось. Вскоре из-за станции с закрытых позиций открыла фланговый огонь по белой коннице наша вторая батарея.

Как только полки, прибывшие с Гаем, обозначили охват правого фланга неприятеля, он начал отходить за железную дорогу. Наступившая темнота прервала боевые действия. За ночь белоказак снова оторвались от наших частей, и до самого Маньча дивизия продвигалась без крупных боев.

В конце января дивизия заняла Великокняжескую, за которой уже кончались границы Донской области. Впере-

ди было Ставрополье, через которое пути вели к Закавказью, и Кубань, ставшая единственной базой Деникина.

Казалось, что мечты Гая близки к исполнению, но силы дивизии заметно таяли. В ней оставалось не более 1000—1200 сабель. Главной причиной потерь был тиф. Он косил местных жителей, и бойцы, проходившие через очаги эпидемий, тоже заболевали. Для борьбы с тифом нужны были бани, дезинфекционные средства, мыло, чистое белье. Но ничего этого не было. Болезнь оказывалась не менее грозным противником, чем белые армии.

Однако, несмотря на это, главная задача левого крыла Юго-Восточного фронта, который с 10 января 1920 года стал именоваться Кавказским, была выполнена. Фронт вышел на Маньч. В его авангарде шла 1-я Красная Кавказская дикая кавалерийская дивизия. За месяц она прошла свыше трехсот пятидесяти километров невероятно трудного пути.

4

Продвигаясь по Сальским степям, мы имели очень слабое представление о том, что делается на других направлениях фронта. Верилось, что там наши войска тоже успешно держатся. Но в действительности это оказалось не так.

Добровольческая армия была вынуждена цепляться за район Ростова, чтобы иметь хотя бы небольшой кусок «собственной» территории и плацдарм для нового наступления. У Донской армии появилось острое желание бросить негостеприимную Кубань и вернуться в родные донские станицы. На время это примирило добровольческие и донские части и дало возможность Деникину в первой половине февраля проявить большую оперативную активность против правого крыла Кавказского фронта.

Настоящие причины этой активности стали понятны значительно позднее, когда по документальным данным стало известно, что в это время творилось на Кубани и в стане Деникина вообще. Тогда же вражеские распри нам не были известны. Поэтому деникинский «доброволец», солдат белой Донской армии, кубанский или терский казак, служивший в Кавказской армии, — все они для нас в одинаковой степени были врагами. Мы не видели очень существенных различий и больших противоречий между разными составными частями белого фронта.

...В начале февраля 1920 года нашу дивизию направили не на юг, в национальные районы Северного Кавказа, а на запад, в Платовскую. Затем совместно с наступавшей справа 2-й кавалерийской дивизией имени Блинова части Гая бросили через бездорожные маньчские степи, по снегу и морозу, на станцию Целина. Тогда нам казалось, что в этом не было никакой надобности, тем более что все прежние задачи дивизии отвечали ее «кавказскому» характеру, вели к национальным районам Северного Кавказа.

Я был свидетелем того, как Г. Д. Гай принимал решение во исполнение приказа о повороте дивизии на запад. Сделал он это с большой неохотой. Но для дивизии это имело серьезное значение. Перейдя в новый район, она оказалась в самой гуще боевых событий, развернувшихся на Кавказском фронте.

Используя ненависть офицерского Добровольческого корпуса к Советам и стремление донцов вернуться в свои станицы, Деникин в первой половине февраля отбил все наступательные попытки правого крыла Кавказского фронта — Первой Конной, 8-й и 9-й советских армий — и начал наступление на Новочеркасск и Ростов, освобожденные Красной Армией в начале января.

Неудачи главных сил Кавказского фронта привели к смене его руководства. 31 января 1920 года командующим фронтом был назначен М. Н. Тухачевский, а членом РВС — Г. К. Орджоникидзе. Новое командование начало с того, что перенесло центр тяжести усилий фронта с западного (ростовского) крыла на восточное (ставропольско-тихорецкое). С этой целью Первая Конная армия северным берегом Маньча перебрасывалась в район Платовской, становясь, таким образом, нашим ближайшим соседом. Главные силы 10-й и 11-й армий стягивались в район Великокняжеской, на тихорецкое направление. Одновременно усиливалось левое крыло 9-й армии.

Я тогда еще не умел быстро разбираться в делах оперативного порядка. Мой командир дивизиона был значительно опытнее и наблюдательнее меня. Когда в районе Платовской стали появляться первые группы квартиреров новых частей, он совершенно безапелляционно заявил мне: «Комиссар, в этом районе предстоят большие бои. Сюда придет много новых войск». И Фролов не ошибся.

Для прикрытия переброски Первой Конной армии к Платовской и сосредоточения в районе Великокняжеской ударной группировки 10-й армии наша дивизия была двинута из Платовской за Маныч, в направлении на станцию Целина. Справа от нее с аналогичной задачей, но без непосредственной связи с нами была выдвинута 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова. Слева пошла 28-я стрелковая дивизия Азина.

К этому времени у нас было около тысячи сабель, примерно столько же имелось в дивизии имени Блинова. Части Азина, сильно ослабленные боями и тифом, насчитывали не более полуторы тысяч пехотинцев. Тридцатиградусный мороз, бездорожье, ветер, малонаселенность степных просторов затрудняли выполнение боевой задачи. Умирали люди, падали лошади, выходили из строя пулеметы...

В середине февраля все три дивизии подверглись внезапному стремительному удару 10—12-тысячной конной массы белых, брошенной Деникиным южнее Маныча на борьбу с Первой Конной армией, которая находилась уже на марше от Платовской к Торговой (Сальску) для выхода на тихорецкое направление. Первой под удар попала 2-я кавдивизия имени Блинова. Она срочно отошла за Маныч под прикрытием главных сил 9-й армии. Это дало возможность белой коннице 17 февраля беспрепятственно появиться на фланге и в тылах нашей дивизии, главные силы которой, пробиваясь к станции Целина, вели бои в районе зимовников Корольковых.

Мне пришлось лично наблюдать ход этих событий на участке 1-й Кавказской дивизии. Я стоял в группе командования на огромной скирде, с которой на десятки километров кругом просматривалась голая степь. Никто из нас не знал, что бригады 2-й кавдивизии уже отошли за Маныч, и колонны белой конницы, появившейся с запада, были приняты за части блиновской дивизии. А когда разобрались, положение стало чрезвычайно опасным.

Подгоняемая ветром и морозом, конница белых продвигалась быстро. С фронта усилился нажим других частей противника. При малейшей задержке наша дивизия могла быть обойдена с тыла, отрезана от путей через Маныч и если не уничтожена в боях, то буквально заморожена в безлюдных степях. Спасение было только в быстром отходе. Командование дивизии и приняло такое ре-

шение. Отходя, мы прикрывали фланг и тыл главных сил фронта, сосредоточивавшихся в районах Платовской и Великокняжеской. О своем маневре Гай не мог своевременно известить 28-ю дивизию, с которой мы не имели непосредственной связи.

Прикрываясь огнем артиллерии с фронта и с фланга, наши части благополучно отошли за Маныч, к Платовской, потеряв только одно орудие на переправе. Белые не преследовали нас. Они продолжали стремительное продвижение на восток, чтобы успеть раньше Первой Конной армии выйти к Торговой и прикрыть направление на Тихорецкую.

Стремительным броском неприятельская конница смяла дивизию Азина, к вечеру того же дня появилась под Шаблиевкой и вступила в бой с пехотой 10-й армии и частями Первой Конной армии.

Шаблиевка была удержана советскими войсками. Массы белой конницы двинулись к Торговой. Но как ни спешил противник, Торговая и прилегающее к ней большое село Воронцовское оказались занятыми главными силами Первой Конной армии и частями трех стрелковых дивизий 10-й армии. Внезапная ночная атака врага была отбита. Его полкам, и без того уже перемерзшим в дни маршей по безлюдным манычским степям, еще одну ночь пришлось провести на морозе. Предыдущий марш, бой и эта ночевка в открытой степи стоили белой коннице огромных потерь.

После отхода к Платовской наша дивизия была направлена в район Торговой, где вошла в оперативное подчинение Первой Конной армии. Вместе с нею она участвовала во всех боях, приведших в конечном итоге к самому крупному в истории гражданской войны сражению кавалерии, под станицей Егорлыкской 1 марта 1920 года.

Особо крупного и самостоятельного значения в этих боях наше соединение не имело, да и не могло иметь, несмотря на все старания Гая. Объяснялось это тем, что боевой состав дивизии к этому времени не превышал восьмисот — тысячи сабель, а в рядах Первой Конной армии в среднем насчитывалось около десяти тысяч сабель. И все же следует отметить, что дивизия Гая, находившаяся на правом фланге армии, действовала активно. Это ее части вместе с пехотой 20-й стрелковой дивизии первыми

ворвались в станицу, заставив противника начать общий отход, в то время как дивизия Конной армии после ряда одержанных успехов отошла на ночлег в исходное положение.

Сражение под Егорлыкской было последним, в котором я участвовал в составе дикой дивизии. К вечеру этого дня меня свалил тиф, сначала брюшной, потом сыпной. Март и апрель я пролежал в крестьянской хате ставропольского села Лежанка, под наблюдением одного из удивительнейших по сердечности людей нашего дивизиона — пожилого мордвина Попова. И пожалуй, только ему обязан тем, что сумел одолеть жестокую болезнь.

В конце апреля я догнал свою часть в Майкопе.

5

В первых числах мая, когда Первая Конная армия уходила на Польский фронт, дивизия Гая первоначально была включена в ее состав. Но уже через несколько дней это распоряжение было отменено. По ходатайству РВС Кавказского фронта дивизия была оставлена на Кубани и вошла в состав 9-й армии, названной Кубанской. Для этого было много причин. Во-первых, на Кубани оставалось еще много отдельных деникинских групп, прятавшихся в горах и плавнях. Во-вторых, хотя кубанское казачество в основе своей и не поддержало в это время Деникина, настроение его широких масс еще нельзя было считать вполне определившимся. Кубань была богата продовольствием. Ее хлебные излишки в то время определялись свыше чем в сто миллионов пудов. Центральные районы Советской России голодали, а для изъятия излишков хлеба тогда не было иных путей, кроме продразверстки. Как отнесутся к этому кубанские казаки, заранее сказать было трудно. Вполне возможны были их новые массовые колебания, а близость Крыма и господство белого флота на Азовском и Черном морях открывали широкие возможности для высадки белых десантов на Кубани.

К тому времени многое изменилось в нашей дивизии. Вместо Г. Д. Гая, раненного в бою под Егорлыкской, назначили П. Е. Дыбенко. Он добился исключения слова «дикая» из наименования соединения. «Кавказская» форма

Н. В. Харченко

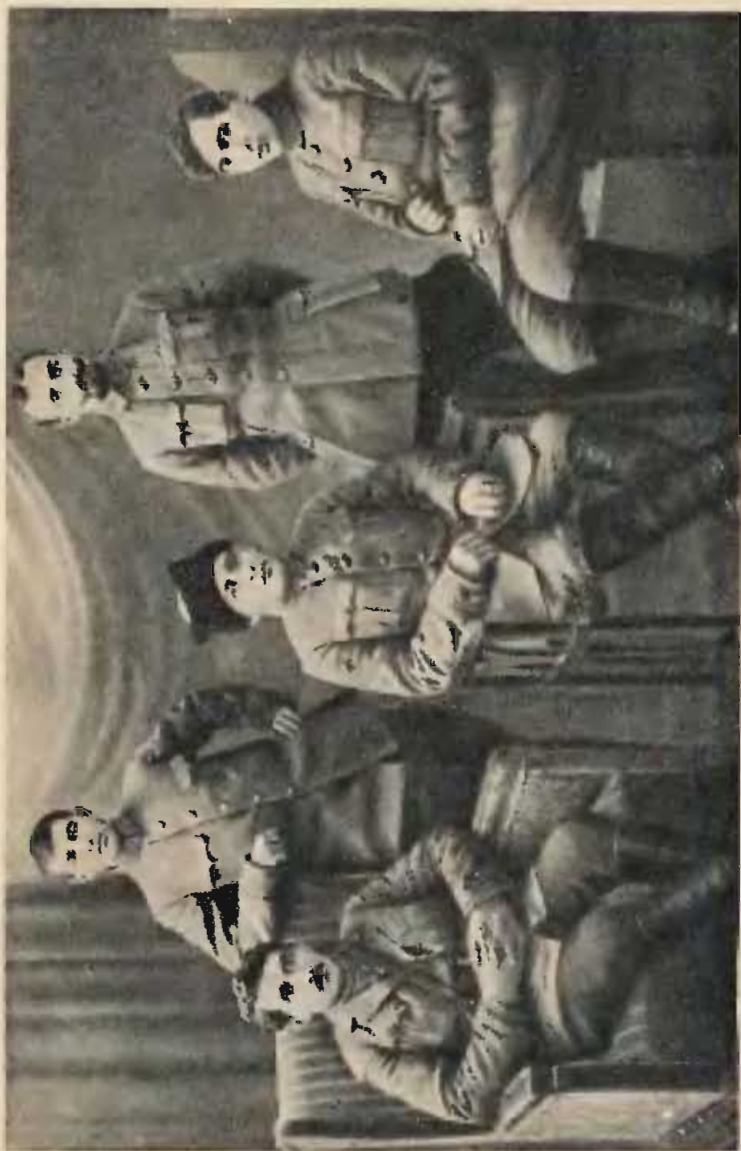
С. Н. Красильников

И. Г. Зиберов

Е. С. Казанский

В. М. Думенко и его соратники

бойцов, состав которых тоже немало изменился, стала перешиваться на общекрасноармейскую.

Примерно через месяц Дыбенко сдал свои обязанности Мейеру, бывшему начальнику 34-й стрелковой дивизии. Под его началом мы исходили почти всю Кубань, вылавливая и уничтожая мелкие банды.

Я участвовал во всех этих походах, внимательно изучал настроение казачества в станицах. И всюду бросалось в глаза, что казаки были очень недовольны вводимой продразверсткой, что они далеко не в восторге от наделения земель иногороднего крестьянства, составлявшего более половины сельскохозяйственного населения Кубани. И тем не менее всюду оставалось впечатление, что неприязнь казачества к остаткам денкивщины, и особенно к Врангелю, разгромившему в ноябре 1919 года Кубанскую казачью раду, сильнее, чем к нам.

Мне хорошо запомнился разговор с «рассказавшимся» казаком, хозяином большой мельницы в станице Лабинской, куда мы пришли в связи с появлением здесь выпешших с гор белых банд. Хозяин мельницы только что вернулся из Москвы. Мне отвели комнату в его доме. Вечером он пригласил меня на чай.

За столом разговорились.

— В горы идете? — спросил хозяин, подразумевая, что мы пришли на борьбу с бандитами.

— Не обязательно, — уклончиво ответил я. — Мы можем и не допустить их отхода в горы.

— Конечно, можете, — согласился хозяин. — Но напрасно в Крыму еще надеются на нас. Так, как Кубань поднялась в 1918 году, она больше не поднимется никогда. А если Врангель появится здесь, кубанский казак скорее окажет помощь вам, чем ему.

Не скрою, что тогда я отнесся к этому заявлению недоверчиво. Но вскоре события показали, что хозяин мельницы был прав. 13 августа 1920 года на азовском побережье Кубани, в районе станицы Приморско-Ахтарской, началась высадка крупного десанта Врангеля. 1-я Кавказская кавалерийская дивизия, находившаяся в это время в станицах Брюховецкой и Роговской, в сорока — шестидесяти километрах от места высадки десанта, первой выступила на борьбу с ним.

Мы имели около тысячи сабель и двести штыков и располагали пушками образца 1902 года. В течение четы-

рех дней сдерживали натиск врага, превосходившего нас по силам в пять-шесть раз. Лишь во второй половине дня 17 августа, обойденные справа конной дивизией генерала Бабиева, насчитывавшей более двух тысяч сабель, наши части начали отход в глубь Кубани, прикрывая важную узловую станцию Тимошевская.

Резервы, которые подтягивало красное командование, вовремя не подошли, и в ночь на 18 августа в районе станции Ново-Роговской главные силы 1-й Кавказской кавалерийской дивизии были окружены. Ее колонны, шедшие без непосредственного охранения, были внезапно встречены перекрестным пулеметным огнем с двухсот-трехсот метров. В первые же минуты боя были убиты командир и начальник штаба дивизии, командир артиллерийского дивизиона, два комбата. В батареях, следовавших в голове колонны, были перебиты все орудийные запряжки. Тяжелые потери понесли и шедшие за ними кавалерийские полки. Потеряв управление, дивизия смешалась и уже отдельными группами ночью прорывалась через белые заслоны на северо-восток, к станции Брюховенкой. К утру 18 августа в этом районе собралась примерно половина прежнего состава дивизии. Были потеряны значительная часть пулеметов и материальная часть двух батарей.

Поражение было жестоким. Повинно в этом прежде всего командование дивизии, которое не приняло мер для непосредственного охранения главных сил, полагаясь лишь на авангард, ушедший в сторону Тимошевской. Часть вины ложится и на командование армии, уехавшее в этот день из дивизии в Екатеринодар не столько для руководства боевыми действиями, сколько для организации поспешной эвакуации в Тихорецкую и Ростов армейского управления, тылов армии и областных партийно-советских учреждений. Эта эвакуация была вызвана тем, что армейское командование и местное партийное и советское руководство опасались массового выступления казачества в связи с успехами белых. Но эти опасения не оправдались. Прав оказался хозяин мельницы из станции Лабинской: Кубань не восстала и не поддержала Врангеля.

Что касается нашей дивизии, то она довольно быстро оправилась от поражения. Начиная с 22 августа ее части вновь принимали участие во всех боях против десантов. 24 августа мы вернули потерянную в ночь на 18 ав-

густа артиллерию, захватив ее в подготовленных противником для эвакуации железнодорожных эшелонах западнее Тимошевской.

В начале сентября после ликвидации десантов дивизия была объединена с 33-й отдельной кавалерийской бригадой и получила наименование 5-й Кубанской кавалерийской дивизии. Затем она была переброшена на врангелевский фронт, где, по свидетельству М. В. Фрунзе, была одним из лучших кавалерийских соединений.

Воевать в этой дивизии на новом фронте мне уже не пришлось. РВС 9-й армии командировал меня в Москву для поступления в Академию Генерального штаба. Но о времени, проведенном в этой дивизии, у меня до сих пор остались самые лучшие воспоминания.

Несколько слов о Г. Д. Гае. После ранения под Егорлыкской его назначили командиром 2-го конного корпуса, предназначавшегося для десантной операции в Крым с Таманского полуострова. Не успев сформировать это соединение, он был назначен командиром 3-го конного корпуса, вошедшего в состав Западного фронта. Успешно сражаясь с врагами Советской власти, Г. Д. Гай снискал признание бойцов и командиров, уважение всего нашего народа.

* * *

1-я Красная Кавказская дикая кавалерийская дивизия не вошла в историю Красной Армии с такой славой, как Первая Конная армия, 25-я дивизия Чапаева, 24-я Железная дивизия, которая начинала боевую деятельность под командованием того же Г. Д. Гая, и ряд других. Об этой дивизии с ее полным наименованием не упоминается и во многих работах по истории гражданской войны. Однако вместе с другими соединениями Юго-Восточного и Кавказского фронтов она внесла свой вклад в разгром главных сил Деникина, являвшихся наиболее грозным врагом Советской республики в годы гражданской войны, и заслуживает того, чтобы память о ней была сохранена в народе.